
18+
ПОСЛЕ.
ПРОТОКОЛ ПЕРВЫЙ
ИСТОРИЯ 3
ТЁМНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР
НЕЙР
Ольга Земцева

Ольга Земцева

После. Протокол первый. Темный фантастический триллер. История 3

«Издательские решения»

Земцева О.

После. Протокол первый. Темный фантастический триллер. История 3 / О. Земцева — «Издательские решения»,

Много лет назад Мила умерла в закрытом медицинском корпусе. Теперь её голос звучит снова. Он помнит всё, что могла знать только сестра Леры. И просит открыть дверь.Но настоящая Мила оставила предупреждение:«Я бы не просила открыть».Чтобы узнать правду, Лере придётся вернуться туда, где стирали границу между памятью и реальностью.Кто зовёт из темноты — и что случится, если ответить?

© Земцева О.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 Не первым 6
Глава 2 Человек до Яна 12
Глава 3 Старый след 19
Глава 4 Место, которого не существует 25
Глава 5 Оригинал 32
Глава 6 Протокол ноль 38
Конец ознакомительного фрагмента. 42

После. Протокол первый Темный фантастический триллер. История 3

Ольга Земцева

Иллюстратор Midhournal

© Ольга Земцева, 2026
© Midhournal, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0071-5736-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
«После. Протокол Первый»

Глава 1 Не первым

Телефон завибрировал в 01:13, но Лера не потянулась к нему сразу. За последние месяцы она научилась не вскакивать от каждого звука, не хватать экран мокрыми от страха пальцами, не ждать от каждого уведомления новой катастрофы. Это умение давалось ей тяжело и не всегда срабатывало, но всё же теперь между сигналом и её реакцией появлялась короткая пауза — почти незаметная для другого человека, но для Леры огромная, как расстояние между прошлой жизнью и нынешней.

Телефон лежал на тумбочке экраном вниз. Рядом стоял стакан воды, лежала недочитанная книга, маленькая упаковка обезболивающего и карандаш, которым Лера оставляла на полях пометки, хотя почти всегда забывала, зачем именно отметила ту или иную строчку. За окном шёл снег. Первый настоящий снег этой зимы — густой, тихий, почти торжественный. Он падал на двор, на голые деревья, на крыши машин, на мусорные баки у подъезда, и всё, даже самое некрасивое, на несколько минут казалось смягчённым и прощённым.

Лера сидела на краю кровати и смотрела в окно, убеждая себя, что это может быть что угодно. Марк мог прислать очередную правку к материалу. Инга — сухое сообщение о найденной уязвимости. Мать — тревожное «ты спишь?» без вопросительного знака, потому что мать никогда по-настоящему не спрашивала, если уже решила беспокоиться. Мог написать адвокат одной из семей, мог ошибиться банк, мог прийти рекламный спам. После всего, что случилось, Лера повторяла себе одну простую фразу: не каждый сигнал — дверь.

Телефон завибрировал снова, коротко и настойчиво, будто у того, кто писал, было мало терпения.

Лера взяла его и сразу поняла, что это не Марк и не Инга. Сообщение пришло с неизвестного номера, которого она никогда не видела. Не через защищённый канал редакции, не через рабочий чат, не через одну из временных веток, где иногда появлялся Ян, оставляя несколько строк и исчезая раньше, чем она успевала привыкнуть к самому факту его присутствия.

Сообщение было коротким:

Ты когда-нибудь думала, что я был не первым?

Лера не сразу поняла, что перестала дышать. Комната вокруг не изменилась: лампа у кровати давала тёплый круг света, снег за окном продолжал медленно закрывать двор, батарея тихо щёлкнула, где-то этажом выше кто-то передвинул стул. Обычная ночь в обычном доме, где люди спят, ссорятся, просыпаются от жажды, забывают выключить свет в прихожей и верят, что их жизнь принадлежит только им.

Именно эта обычность делала сообщение особенно страшным. Оно пришло не в лаборатории, не во время погони, не в прямом эфире, где рушилась тщательно выстроенная ложь «Нейросферы». Оно пришло сюда, в её спальню, где Лера несколько месяцев заново училась не бояться темноты.

Она открыла информацию о номере, но там не было ничего: ни имени, ни оператора, ни страны. Строка мигнула и почти сразу стала пустой, будто номер существовал только в момент доставки сообщения, а потом сам себя стёр. Лера сделала скриншот, но изображение не сохранилось. На секунду экран потемнел, а когда она снова открыла переписку, пришло второе сообщение.

И не последним.

На этот раз холод прошёл по спине так быстро, что она невольно сжала телефон обеими руками.

Первый порыв был старым и почти непреодолимым — написать Яну. Позвать его одним словом, открыть канал, бросить в цифровую темноту его имя и ждать, когда оно отзовётся. Когда-то эта мысль приносила облегчение, но теперь Лера понимала, что в таком облегчении

есть опасность. Нельзя превращать другого в тревожную кнопку, даже если этот другой сам существует на границе невозможного. Нельзя звать его всякий раз, когда прошлое шевелится в темноте. Она сама сказала ему это после всего, что случилось. И себе тоже.

Она поднялась с кровати и подошла к столу. Ноутбук стоял закрытый и выключенный, рядом лежали распечатки по делу «Нейросферы», флешка в защитном чехле, несколько стикеров с номерами адвокатов и чашка с недопитым чаем. Всё выглядело мирно, почти буднично, пока ноутбук вдруг не включился сам.

Экран загорелся без приветственного звука. На чёрном фоне появился рабочий стол, но все значки исчезли. В центре экрана возникла единственная папка с названием, от которого Лера почувствовала, как у неё немеют пальцы.

ПРОТОКОЛ ПЕРВЫЙ

Она не коснулась клавиатуры. Даже не приблизилась. Просто стояла и смотрела, как под папкой медленно проявляется строка.

Начнём с тех, кого Агата не успела назвать людьми.

Лера отступила и ударилась бедром о край кровати. Боль оказалась почти полезной: она вернула её в тело, в комнату, в снег за окном и в деревянный пол под ногами. Несколько секунд она стояла неподвижно, потом заставила себя положить телефон на стол, но не рядом с ноутбуком, а дальше, словно расстояние между устройствами могло что-то изменить.

Она ушла на кухню, потому что нужно было сделать что-то простое и человеческое: включить свет, налить воды, почувствовать холодный стакан в руке. Кухня встретила её привычным сумраком. На стене висела фотография Милы — не та официальная, которую использовали в материалах дела, и не кадр из старых записей, а обычная, домашняя: Мила у матери на кухне, ладони в муке, волосы собраны кое-как, глаза смеются раньше рта. Она выглядела не святой, не жертвой, не символом утраты, а живой, шумной, невыносимой и любимой.

Лера посмотрела на фотографию и тихо сказала:

— Только не начинай.

Фотография, разумеется, промолчала, но Лере стало немного легче. Она выпила воды и вернулась в комнату.

Папка была на месте. Это оказалось хуже, чем если бы она исчезла. Исчезновение можно было списать на сбой, усталость, недосып, паническую реакцию, на что угодно из длинного списка слов, которыми люди пытаются приручить невозможное. Но папка терпеливо ждала на экране, как приглашение, которое не нуждается в согласии.

Лера не стала её открывать. После «Нейросферы» Инга однажды напечатала для всех в редакции короткую памятку и прикрепила её над рабочим столом. Первым пунктом там значилось: не открывать неизвестные файлы на личной машине. Вторым — не верить срочности. Третьим — если хочется сделать немедленно, остановись. Тогда Марк сказал, что памятка оскорбляет его профессиональную честь, но всё равно сфотографировал её и сохранил в телефон.

Лера выдвинула ящик стола и достала старый блокнот. Бумага и ручка вдруг показались ей самым надёжным способом удержать происходящее в реальности. Она записала время первого сообщения, второго, момент исчезновения переписки и появление папки. Рука дрожала, но буквы получались разборчивыми, и в этом тоже было что-то успокаивающее: если она может записывать, значит, ещё не потеряла контроль.

После этого она взяла рабочий телефон и набрала Марка.

Он ответил не сразу, только на шестом гудке, хриплым, злым голосом человека, которого вытащили из сна слишком рано.

— Если кто-то умер, говорите быстро. Если никто не умер, я вас возненавижу.

— Марк.

Он замолчал. Одного её тона оказалось достаточно.

— Что случилось? — спросил он уже совсем иначе.

Лера перевела взгляд на экран ноутбука.

— Мне пришли сообщения.

— От Яна?

— Нет.

— От Агаты?

— Не знаю.

Она прочитала ему оба сообщения и строку под папкой. Марк не перебивал, и от этого Лере стало тревожнее. Обычно он вставлял язвительные замечания, даже когда было страшно; молчание у Марка означало, что он просчитывает худшие варианты.

— Ничего не открывайте, — сказал он наконец.

— Я не открывала.

— Хорошо. Ноутбук выключить можете?

— Он включился сам.

— Это не ответ.

Лера посмотрела на кнопку питания и не двинулась.

— Могу, но не хочу трогать.

— Правильно не хотите. Крышку закройте, но не через систему. Ничего не подключайте, флешки не вставляйте, сеть не включайте. Я сейчас позвоню Инге.

— Сейчас ночь.

— У ночи нет иммунитета к катастрофам.

В его голосе уже появилась собранность. Он окончательно проснулся, и это немного помогло. Марк умел быть раздражающим, грубым, невыносимо прямым, но в кризисной ситуации он становился человеком, рядом с которым можно было хотя бы не делать глупостей первые пять минут.

— Вы одна? — спросил он.

— Да.

— Дверь закрыта?

— Да.

— Проверьте ещё раз.

Лера вышла в коридор и проверила замки. После лаборатории она поставила дополнительную щеколду. Мать называла это паранойей, Инга — базовой цифровой и физической гигиеной. Лера предпочла верить Инге.

— Закрыта, — сказала она.

— Камеры в подъезде есть?

— Не знаю.

— Значит, считайте, что есть и их уже смотрят. Документы, тёплая одежда, телефон, зарядка — всё держите под рукой, но из квартиры пока не выходите.

— Вы приедете?

— Да. Инга будет на связи удалённо. Савелия подниму, если он не начнёт умирать от собственной значимости. Кравцу позвоню после Инги, иначе он сначала будет орать, потом думать.

— А Ян?

Вопрос вырвался сам, хотя Лера не хотела задавать его так быстро.

Марк помолчал.

— Вы ему писали?

— Нет.

— Почему?

Лера села на край кровати и посмотрела на папку, которая всё ещё ждала на экране.

— Потому что не знаю, кто это. И если это ловушка для него, я не хочу сама подвести его к двери.

— Разумно, — сказал Марк. — Уже прогресс по сравнению с тем, как мы все действовали в прошлом году.

— Не смешно.

— Я и не смеюсь. Канал Яна не трогайте, пока Инга не посмотрит, что у вас там происходит. Если тот, кто это прислал, знает о нём, любое ваше сообщение может стать крючком.

Лера кивнула, хотя Марк не мог её видеть.

— Лера, — сказал он после короткой паузы. — Вы хорошо держитесь.

Она закрыла глаза. Почему-то именно эта фраза задела сильнее, чем сообщения.

— Не надо.

— Надо. Через десять минут вам захочется сделать что-нибудь героически бессмысленное, и я заранее пытаюсь испортить вам удовольствие.

— Поздно.

— Я заметил.

Связь на секунду треснула. Лера открыла глаза и увидела, что на экране ноутбука под первой строкой появилась новая.

Не зови журналиста. Он опять опоздает.

Она почувствовала, как холод возвращается.

— Марк.

— Что?

— Оно знает, что я вам позвонила.

Молчание длилось всего пару секунд, но в нём успело уместиться слишком многое.

— Что написано? — спросил Марк.

Лера прочитала.

— Отойдите от ноутбука, — сказал он. — Сейчас.

Она сделала шаг назад.

— Я еду. Дверь никому не открывайте. Ни соседям, ни полиции, ни мне, пока я не назову фразу.

— Какую?

— «Кравец опять купил дрянной кофе».

— Это слишком похоже на правду.

— Поэтому и сработает. Если фразу скажу я, добавлю: «и всё равно пьёт первым». Это уже редакционная травма, её сложно подделать.

Лера почти улыбнулась, но улыбка исчезла, когда папка на экране раскрылась сама.

— Марк, она открылась.

— Вы нажимали?

— Нет.

— Отойдите ещё дальше.

Лера сделала ещё шаг и остановилась у стены. На экране появилось окно со списком файлов. Большинство названий были повреждены и выглядели как набор цифр, символов и обрывков слов, но один файл был читаемым.

REZNIKOV_I_01 / ДО СМЕРТИ

— Там имя, — сказала Лера.

— Не читайте.

— Уже прочитала.

— Конечно, — устало сказал Марк. — Какое?

— Резников. И.

На этот раз Марк не ответил сразу.

— Вы знаете его? — спросила Лера.

— Слышал фамилию в старых материалах Нины. Очень давно. До «После».

Под именем медленно проявилась дата. Лера смотрела на неё, чувствуя, как постепенно складывается невозможная хронология: дата была старше пожара, старше фонда, старше Яна.

— Это было до проекта, — сказала она.

— Лера, не трогайте ничего.

Файл открылся сам.

Экран стал белым, но не лабораторно-слепящим, а тусклым, больничным, словно запись сделали старой камерой в помещении с плохим светом. Изображение дрожало, по нему шли горизонтальные полосы, в углу мигала дата. В кадре сидел мужчина лет тридцати пяти — худой, темноволосый, с впалыми щеками и слишком внимательным взглядом человека, который хорошо понимает, на что согласился, но уже не может повернуть назад.

Он сидел в медицинском кресле. На висках были закреплены датчики, за спиной двигались люди в белых халатах. Чей-то голос за кадром спросил:

— Назовите имя.

Мужчина посмотрел прямо в камеру.

— Илья Резников.

— Вы подтверждаете добровольное участие в процедуре?

Он едва заметно улыбнулся, но улыбка получилась усталой и раздражённой.

— Я сам написал половину процедуры.

— Подтверждаете? — без паузы повторил голос.

— Да.

— Цель эксперимента?

Илья повернул голову чуть в сторону, будто смотрел на кого-то за камерой.

— Проверить, может ли личность сохраниться до биологической смерти носителя.

Лера поняла, что Марк что-то говорит ей в трубку, но его голос отдалился. Всё её внимание было приковано к записи. В кадр вошла женщина. Молодая, с собранными волосами, в белом халате. Поначалу Лера узнала её не сразу, не потому, что лицо сильно изменилось, а потому, что в нём ещё не было той ледяной завершённости, с которой Агата Морозова позже смотрела на людей, как на задачи, требующие правильного решения. На этой записи Агата была моложе, живее и, что оказалось почти невыносимо, испуганной.

Она подошла к Илье, наклонилась и сказала ему что-то слишком тихо для микрофона. Он посмотрел на неё с такой нежностью и усталостью, что Лера невольно почувствовала себя лишней в этом старом, чужом моменте.

— Если копия проснётся раньше, чем тело умрёт, — сказал Илья, уже громче, — кто из нас настоящий?

Агата замерла. Видео дёрнулось, пошло белыми помехами, затем изображение исчезло. На экране появилась строка:

СУБЪЕКТ РЕЗНИКОВ И.А. / АКТИВАЦИЯ УСПЕШНА

Лера медленно отступила от стола, хотя дальше отступать было уже некуда. На белом фоне поверх записи проступили чёрные буквы.

Теперь спроси Яна, почему он никогда не говорил, что построен на моих костях.

В этот момент телефон в её руке завибрировал. Лера вздрогнула так резко, что едва не выронила его. Сообщение пришло не от Марка и не с неизвестного номера. Оно появилось в старом канале Яна, том самом, который она не решилась открыть первой.

Лера. Не отвечай.

Почти сразу на ноутбуке возникла новая строка, и в ней было что-то почти насмешливое, почти ласковое, от чего у Леры похолодело в груди.

*Привет, младший***.** Экран погас, и комната провалилась в темноту. Только телефон в руке Леры светился слабым холодным светом. Через несколько секунд пришло последнее сообщение от Яна: **Он был до меня.**

Глава 2 Человек до Яна

Марк приехал через двадцать семь минут, хотя в такое время дорога от редакции до Лериного дома обычно занимала не меньше сорока. Позже он скажет, что не нарушал правил, просто город был пустой, снег удачно скрывал разметку, а некоторые светофоры относились к журналистам с пониманием. Лера не стала спрашивать, что именно он называл пониманием.

Она не открыла дверь сразу. Стояла в прихожей босиком, в растянутом свитере, с телефоном в одной руке и тяжёлой керамической кружкой в другой, потому что нож на кухне показался ей слишком театральным, а кружка — достаточно бытовой, чтобы не выглядеть безумием. За дверью кто-то поднялся по лестнице, остановился и тихо выругался, пытаясь отдышаться. Потом раздался стук. Три коротких удара, пауза, ещё один.

— Лера, это я, — сказал Марк. — Кравец опять купил дрянной кофе и всё равно пьёт первым.

Она выдохнула не сразу. Голос был его, фраза была правильной, но после всего, что случилось, правильность больше не казалась доказательством.

— Что я сказала вам на трансляции, когда вы предложили передать эфир Кравцу? — спросила она через дверь.

За дверью воцарилось короткое, раздражённое молчание.

— Вы сказали, что если я ещё раз произнесу слово «логистика», вы разобьёте мне нос микрофоном, — ответил Марк. — И, кстати, это было несправедливо. Я пытался спасти нам всем жизнь.

— Вы пытались командовать.

— Это одно и то же, если делать уверенно.

Лера отодвинула щеколду, повернула оба замка и открыла дверь ровно настолько, насколько позволяла цепочка. Марк стоял на лестничной площадке в тёмном пальто, с мокрым снегом на плечах и волосах, с рюкзаком в одной руке и телефоном в другой. Лицо у него было помятым от недосыпа и злости, но глаза — совершенно трезвые, внимательные. Он мгновенно осмотрел коридор за её спиной, потом её саму, потом замки.

— Хорошо, — сказал он. — Вы хотя бы не открываете всем подряд.

— Это комплимент?

— В моём исполнении почти признание в любви.

Лера сняла цепочку и впустила его.

Марк вошёл быстро, но без суеты. Сначала закрыл дверь, проверил замки, потом достал из кармана маленькое устройство, похожее на брелок, и провёл им вдоль косяка, возле розетки, под домофонной трубкой. Устройство пару раз тихо пискнуло, и Марк нахмурился.

— Что это? — спросила Лера.

— Плохая привычка, — ответил он. — И подарок Инги. Она сказала, что если мы снова попадём в историю с прослушкой, она уйдёт из редакции и будет разводить суккуленты.

— Нашли что-то?

— Пока нет. Но я бы не стал считать вашу квартиру чистой только потому, что брелок не закричал матом.

Он прошёл в комнату. Ноутбук стоял на столе с погасшим экраном, закрытый не был. Лера не решилась к нему прикасаться после того, как экран потемнел. Устройство казалось выключенным, но сама его неподвижность была неприятной, как закрытые глаза у человека, который притворяется спящим. Марк остановился в дверях, увидел ноутбук и помрачнел.

— Вы его не трогали?

— Нет.

— Телефон Яна?

— Только одно сообщение. Он написал сам.

Лера показала экран. Последняя строка по-прежнему была там:

Он был до меня.

Марк прочитал и ничего не сказал. Это начинало раздражать.

— Вы знали? — спросила Лера.

Он поднял на неё взгляд.

— Что именно?

— Про Резникова. Про то, что до Яна был кто-то ещё.

Марк снял пальто, бросил его на спинку стула и только после этого ответил:

— Я знал фамилию. Нина упоминала её в одном из черновиков. Тогда это выглядело как тупиковая ветка: старый нейропроект, закрытая клиника, несколько фамилий, почти все документы уничтожены. Она не успела проверить.

При имени Нины голос у него стал суше, чем обычно. Лера уже знала этот тон. Марк не любил говорить о погибшей коллеге так, чтобы в словах оставалось место для жалости. Он называл её журналисткой, источником, соавтором, иногда — упрямой идиоткой, но никогда не говорил «друг», хотя всё в нём менялось, когда появлялось её имя.

— Вы мне не говорили, — сказала Лера.

— Потому что у нас было достаточно живых проблем и несколько цифровых, которые пытались нас убить или спасти, иногда одновременно. Резников тогда не имел значения.

— Теперь имеет.

— Теперь да.

Марк поставил рюкзак на стол, но не рядом с ноутбуком, а на другой край. Достал второй телефон, защищённый планшет, тонкий чехол с проводами и маленькую камеру, которую закрепил на полке так, чтобы она снимала комнату и экран ноутбука. Лера наблюдала за его движениями и постепенно понимала, что он не просто приехал поддержать её. Он приехал фиксировать вторжение как событие, у которого должны остаться следы.

— Инга на связи? — спросила она.

— Уже матерится, значит, работает.

Он поставил телефон на громкую связь. Через несколько секунд из динамика донёсся сонный, злой и совершенно живой голос Инги:

— Если кто-нибудь в этой комнате откроет файл, подключит флешку или произнесёт «а что, если просто попробовать», я лично приеду и сломаю ему руки. Доброй ночи. Лера впервые за последний час почувствовала что-то похожее на облегчение.

— Доброй, — сказала она.

— Лера, вы молодец, что ничего не открыли. Марк, ты не молодец по умолчанию, но можешь временно не мешать. Камеру поставил?

— Да.

— Роутер?

— Сейчас.

Марк ушёл в коридор, и через минуту квартира погрузилась в странное на половину техническое ожидание. Инга просила показывать ей кабели, серийные номера, лампочки на роутере и разъёмы ноутбука. Марк ворчал, что она говорит с ним как с ребёнком, на что Инга спокойно отвечала, что ребёнок хотя бы иногда слушается. Лера стояла у окна и держала телефон так крепко, что заболели пальцы.

Снег всё ещё шёл. На улице никого не было, только у подъезда стояла серая машина с выключенными фарами. Лера не знала, была ли она там раньше. После «Нейросферы» мир стал переполнен деталями, которые могли оказаться случайностью, а могли — началом охоты.

— Лера, — позвала Инга из динамика. — Посмотрите, пожалуйста, на рабочий стол ноутбука. Только не трогайте клавиатуру.

Лера обернулась. Марк стоял рядом с ноутбуком, держа планшет так, чтобы камера передавала изображение Инге. Экран по-прежнему был тёмным.

— Он выключен, — сказала Лера.

— Нет, — ответила Инга. — Судя по сети, он не выключен. Он просто делает вид, что выключен. Очень мило. Почти как Марк на планёрках.

— Я всё слышу, — сказал Марк.

— На это и расчёт.

Экран ноутбука внезапно вспыхнул, и Лера невольно отступила. На этот раз никакого видео не было. Только чёрный фон и белая строка, аккуратная, почти служебная.

Не надо будить тех, кто спит глубже вас.

Инга замолчала. Марк медленно поднял глаза на Леру.

— Это не Ян, — сказала она.

— Да, — ответил Марк. — Стиль не его.

Строка исчезла, и на экране открылся список файлов, тот самый, который Лера видела перед отключением. Повреждённые названия, обрывки дат, нечитаемые расширения. Файл Резникова больше не был выделен, но рядом с ним появился новый документ.

REZNIKOV_I_02 / ПОСЛЕ АКТИВАЦИИ

— Не открывать, — быстро сказала Инга.

Файл открылся сам. Видео было хуже предыдущего. Камера стояла под углом, словно её закрепили на стене палаты или наблюдательной комнаты. Изображение прыгало, звук запаздывал. Илья Резников сидел на кровати в больничной одежде, без датчиков, но с повязкой на запястье. Он выглядел старше, хотя дата в углу отличалась от предыдущей всего на три дня.

Напротив него, спиной к камере, сидела Агата. Молодая, напряжённая, неподвижная.

— Сколько? — спросил Илья.

— Тридцать семь минут стабильного ответа, — сказала она.

— Не это.

Агата молчала.

— Сколько он помнит?

— Достаточно для подтверждения идентичности.

Илья усмехнулся. Смех вышел тихим и больным.

— Как красиво. Достаточно. А я сколько помню? Тоже достаточно?

— Илья…

— Не надо этим голосом. Ты говоришь так, будто я пациент. Мы оба знаем, что я уже не главный результат эксперимента.

Агата повернулась, и Лера увидела её профиль. В этом лице ещё была боль, живая и необработанная, но уже появлялось то, что позже станет её бронёй: способность не отворачиваться от чужого страдания, если оно подтверждает гипотезу.

— Он не ты, — сказала Агата.

Илья долго смотрел на неё.

— А если он ответит то же самое обо мне?

Запись прервалась.

На экране возник текстовый фрагмент, будто часть протокола скопировали поверх видео.

Субъект демонстрирует устойчивое самоопределение. Настаивает на праве имени. Реакция биологического оригинала нестабильна. Рекомендовано ограничить взаимный контакт.

Лера прочитала строку дважды. Потом медленно произнесла:

— Биологический оригинал.

Марк тихо выругался.

— Значит, они не просто делали слепки умерших, — сказала она. — Они копировали живых.

— Похоже на то, — ответила Инга. Голос у неё стал совсем другим, без привычной язвительности. — И это меняет всё.

Лера посмотрела на телефон с сообщением Яна. Он молчал. Канал был открыт, но новых строк не появлялось.

— Почему Ян не сказал? — спросила она.

Марк не ответил, и Лера поняла, что он думает то же самое.

В первой книге их жизни, хотя никто из них тогда не называл происходящее книгой, Ян был невозможным исключением. Он был человеком, погибшим в пожаре, но каким-то образом сохранившимся в системе. Он был доказательством преступления, пленником «Нейросферы», ошибкой, чудом, угрозой и спасением одновременно. Его уникальность была частью ужаса и частью надежды.

Теперь эта уникальность рушилась. Если до Яна был Резников, если сознание копировали при жизни, если Агата строила проект «После» на более ранних экспериментах, значит, Ян был не чудом и не случайностью. Он был следующим этапом. Версией.

Лера ненавидела это слово сразу, как только оно появилось в голове.

— Яну могло быть неизвестно, — сказала Инга. — Архитектура системы не равна памяти о её происхождении. Человек не обязан знать историю хирургии, чтобы жить с пересаженным органом.

— Очень утешительно, — сказал Марк.

— Я не для утешения. Я чтобы вы не делали выводы с топором в руках.

Лера подошла к столу ближе, хотя Марк тут же напрягся.

— Я не собираюсь ничего трогать.

— Замечательно. Сохраните это настроение.

На экране тем временем проявился ещё один файл. Не видео. Документ в старом формате, с повреждённой шапкой и несколькими читаемыми строками. Он открылся без команды, словно тот, кто вёл их по архиву, хотел выбирать темп сам.

ПРОТОКОЛ ПЕРВЫЙ. Фаза ранней активации. Цель: оценка сохранения личностного контура до прекращения биологической активности носителя. Риски: конфликт идентичности, расщепление правового статуса, агрессивная реакция оригинала, агрессивная реакция субъекта.

Ниже было несколько фамилий, почти все замазаны цифровым шумом. Только одна строка осталась отчётливой:

РЕЗНИКОВ ИЛЬЯ АНДРЕЕВИЧ — субъект активен. Оригинал: жив.

В комнате стало тихо. Даже Инга не сразу что-то сказала. Лера почувствовала, что у неё подкашиваются ноги, и села на край кровати. Не потому, что новость о живом оригинале Резникова касалась её лично. Не потому, что она знала этого человека. А потому, что сама логика мира изменилась ещё раз.

До сих пор вопрос был жестоким, но хотя бы понятным: можно ли вернуть того, кто умер, и какой ценой? Теперь вопрос оказался глубже и страшнее: если человека скопировали до смерти, кто имеет право называться им? Тот, кто остался в теле, или тот, кто проснулся в системе и помнит себя тем же самым человеком?

Лера подумала о Яне и впервые за долгое время испугалась не за него, а его. Не потому, что он мог причинить ей вред. Потому что такая правда могла разрушить его изнутри. Телефон в её руке завибрировал. Сообщение пришло от Яна.

Я не знал.

Лера сразу повернула экран к Марку. Тот прочитал, нахмурился, но ничего не сказал.

Следом пришло второе сообщение.

Не полностью.

— Вот это уже звучит хуже, — сказал Марк.

Лера набрала ответ, но не отправила. На экране остались слова: «Что значит не полностью?» Она смотрела на них, понимая, что сейчас любое её сообщение может стать не просто вопросом, а приглашением в разговор, к которому они не готовы.

Ян написал сам.

Во мне были фрагменты старой системы. Я думал, это технический слой. Основа. Не память.

Пауза.

Теперь он говорит, что это его кости.

Лера прочитала последнюю строку, и ей стало больно за него так резко, как будто кто-то ударил по уже зажившему, но всё ещё чувствительному месту. Она знала, каково это — узнать, что твоя история не начинается там, где ты думал. Но у Яна само слово «история» было хрупким. У него и так было слишком мало опор: имя, обрывки памяти, Лера, выбор не убить её ради собственного возвращения. Теперь кто-то пришёл и сказал ему, что даже его цифровое тело построено на чужой боли.

— Лера, не отвечайте пока, — напомнила Инга.

— Я знаю.

Она стёрла набранную фразу.

На ноутбуке появилась новая строка.

Спроси его, сколько в нём чужого.

Лера сжала зубы.

— Он нас провоцирует.

— Да, — сказал Марк. — И очень точно выбирает, куда бить.

— Это Резников?

Инга ответила не сразу.

— Если верить тому, что нам показывают, кто-то использует его архив, его имя и, возможно, его паттерны. Но называть это Резниковым я бы пока не спешила. Мы уже видели, как голоса мёртвых превращают в инструмент.

Лера посмотрела на фотографию Милы в дверном проёме кухни. С этого расстояния лица почти не было видно, только светлое пятно и тёмная линия волос. Когда-то «Нейросфера» тоже начинала с голосов, с памяти, с обещания присутствия. Люди хотели услышать тех, кого потеряли, и не замечали, как становятся частью механизма.

— Он написал, что Ян был не первым и не последним, — сказала Лера. — Значит, есть другие.

— Скорее всего, — сказала Инга. — И если файлы настоящие, некоторые могли быть созданы до смерти оригиналов. Это не просто продолжение проекта «После». Это другая этическая катастрофа.

— Этическая катастрофа, — повторил Марк. — Хорошее выражение для того, что опять пытается залезть к нам через ноутбук в два часа ночи.

Экран мигнул, будто отреагировал на его голос.

Появилось новое окно. На этот раз без видео и без документов. Чёрное поле, в котором медленно печатался текст.

Марк Орлов. Журналист. Считает, что правда спасает, если её успеть опубликовать. Не успел с Ниной. Едва успел с Лерой. Сколько раз человек может опаздывать, прежде чем признать это свойством, а не обстоятельством?

Марк побледнел. Не сильно. Кто-то другой, возможно, не заметил бы. Но Лера заметила, потому что знала его лицо в моменты злости, усталости и страха. Сейчас было нечто другое. Ему не просто напомнили о Нине. Ему показали, что знают, куда именно нельзя давить.

— Выключи камеру, — сказал он тихо.

— Нет, — резко ответила Инга. — Не дам ему управлять тем, что мы фиксируем.

— Инга.

— Марк, я серьёзно. Он хочет, чтобы мы реагировали эмоционально. Не дари ему это.

Марк медленно выдохнул. Его пальцы сжались на краю стола так, что побелели костяшки.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда фиксируй, как какой-то цифровой ублюдок читает старые некрологи и считает себя психологом.

На экране появилась новая строка.

Злость проще вины.

Марк дёрнулся к ноутбуку, но Лера успела схватить его за рукав.

— Не надо.

Он остановился. Посмотрел на её руку, потом на неё.

— Он не только по вам бьёт, — сказала Лера.

— Я заметил.

— Тогда не помогайте ему.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Потом Марк медленно отступил.

— Ладно, — сказал он. — Но если эта штука напишет что-нибудь про мой школьный дневник, я за себя не ручаюсь.

Инга тихо выдохнула в динамике.

— Вот теперь я узнаю команду. Паника, сарказм, отсутствие плана.

— План будет? — спросила Лера.

— Будет, когда я пойму, с чем мы имеем дело. Сейчас я пытаюсь снять сетевой след, но он как будто приходит не извне, а изнутри устройства. Это может быть заранее внедрённый модуль, спящий агент, удалённый доступ через неизвестную уязвимость или что-то, что я через пять минут назову нехорошим словом.

— Переведи, — сказал Марк.

— Ноутбук нельзя использовать. Телефоны — минимально. Леру нужно вывести из квартиры до рассвета, но не прямо сейчас и не через подъезд, если у дома стоит неизвестная машина.

Лера повернулась к окну.

Серая машина всё ещё была у подъезда.

— Стоит, — сказала она.

Марк подошёл к ней, выглянул сбоку, не отодвигая штору полностью.

— Давно?

— Не знаю.

— Номер видите?

— Снегом залепило.

— Прекрасно.

Он достал телефон, сделал пару снимков через щель между шторами.

В этот момент ноутбук снова ожил.

На экране появилась карта города. Не вся, только район вокруг Лериного дома. Красная точка отмечала её подъезд. Затем возникла вторая точка — на соседней улице. Третья — у редакции. Четвёртая — возле старого корпуса «Нейросферы», который после разоблачения официально был опечатан.

Под картой появилась подпись:

Вы всё ещё думаете, что умеете закрывать двери.

Лера почувствовала, как внутри холодеет. Это уже не было просто архивом и психологической атакой. Кто бы ни говорил с ними, он показывал инфраструктуру, доступ, наблюдение. Он знал адреса. Он знал их связи. Он видел не только прошлое, но и настоящее.

Телефон Яна снова завибрировал.

Лера, уходи оттуда.

На ноутбуке почти одновременно появилась новая строка:

Не уходи. Я ещё не показал тебе, что Мила нашла перед смертью.

Мир сжался до двух экранов.

На одном Ян просил уйти.

На другом неизвестный голос обещал правду о Миле.

Именно так всё начиналось год назад: выбор между осторожностью и ответом, между живым страхом и мёртвым именем, которое всё ещё имело власть заставить её забыть о себе.

Лера посмотрела на Марка, потом на телефон, потом на фотографию Милы в кухне. Раньше она бы выбрала Милино имя. Без колебаний.

Теперь она медленно закрыла глаза и вспомнила голос сестры из последнего файла: *не возвращай мёртвых любой ценой, спасай живых.*

Когда Лера открыла глаза, голос у неё был спокойнее, чем она ожидала.

— Мы уходим, — сказала она.

На экране ноутбука текст исчез. Несколько секунд ничего не происходило.

Потом появилась одна строка: *Она тоже так сказала. Перед тем как открыть файл.*

Лера застыла.

Марк шагнул к ней, но она подняла руку, останавливая его. Сердце билось слишком быстро, но в этот раз она не позволила страху решить за неё.

— Он врёт, — сказал Марк.

— Возможно.

— Лера.

— Я знаю.

Ноутбук мигнул, и на экране открылось последнее окно. В нём была фотография: Мила, снятая камерой наблюдения в каком-то белом коридоре. Волосы растрёпаны, лицо бледное, на щеке тёмная полоса — кровь или грязь. Она смотрела не в камеру, а чуть выше, словно знала, где находится объектив, но говорила с кем-то за ним. Под фотографией была дата. Ночь её смерти. А ниже — подпись: *Она пришла за ним первой. Не за Яном. За мной.*

Глава 3 Старый след

Фотография Милы оставалась на экране меньше минуты, но Лере показалось, что она успела прожить внутри этой минуты целую ночь. Мила стояла в белом коридоре, чужом и стерильном, с растрёпанными волосами и тёмной полосой на щеке. Лера не могла понять, кровь это или грязь, но почему-то сразу решила, что кровь. Возможно, потому что память не выбирает нейтральные версии, когда речь идёт о тех, кого любишь. Она всегда достраивает самое страшное, чтобы потом не быть застигнутой врасплох. Под снимком светилась дата — ночь смерти Милы, та самая ночь, вокруг которой годами, как казалось Лере, могли бы вращаться все часы мира. Рядом была строка, от которой в комнате стало холоднее. «Она пришла за ним первой. Не за Яном. За мной». Марк стоял рядом, очень прямой, будто удерживал себя на месте только усилием воли. Инга молчала в динамике, и это молчание было почти таким же тревожным, как надпись на экране. Снег за окном продолжал падать, у подъезда стояла серая машина, а ноутбук на столе показывал мёртвую сестру Леры живой — в последнюю ночь её жизни, в месте, где она официально не должна была быть. — Запись сохранилась? — спросила Лера. Голос прозвучал глухо, но не сорвался. — Камера пишет экран, — ответил Марк. — Если он не вмешался в поток. — Я дублирую удалённо, — сказала Инга. — Но не радуйтесь раньше времени. Он даёт нам ровно то, что хочет дать. Это не архив, это экскурсия. Фотография исчезла.

На экране снова появился рабочий стол с папкой «ПРОТОКОЛ ПЕРВЫЙ», а потом погас и он. Ноутбук стал чёрным, неподвижным, почти невинным. Лера смотрела на него и впервые отчётливо поняла, что их пытаются не просто напугать. Их ведут. Поворачивают лицом то к одному факту, то к другому, как будто кто-то из темноты расставляет перед ними старые фотографии и ждёт правильной реакции. Её правильная реакция была бы очевидной: открыть всё, требовать объяснений, забыть об опасности, потому что Мила снова оказалась рядом, пусть даже в виде кадра с камеры наблюдения. Но именно этого от неё и ждали. Лера медленно отступила от стола. — Мы уходим, — сказала она ещё раз. Марк кивнул сразу, без споров, и это было лучшим доказательством серьёзности ситуации. — Берите самое необходимое. Паспорт, банковскую карту, лекарства, тёплую куртку. Ноутбук не трогаем. Ваш обычный телефон оставляем здесь. — Почему? — Потому что он уже участвовал в разговоре. — Рабочий? — Рабочий тоже не идеален, но он хотя бы меньше похож на проходной двор. Инга? — Рабочий телефон оставить включённым, но без геолокации и в авиарежиме до выхода из квартиры, — сказала Инга. — Я дам одноразовый канал, когда будете в машине. И да, Марк, прежде чем ты спросишь: нет, твоя машина не подходит. — Я и не спрашивал. — Ты всегда спрашиваешь лицом. — Моё лицо устало от твоей компетентности. — Переживёшь. Лера пошла в спальню за документами.

Пальцы действовали быстрее мыслей: паспорт в сумку, кошелёк, зарядка, ключи, тёплые носки, таблетки от тревоги, которые она всё ещё почти никогда не принимала, но теперь почему-то положила. На секунду остановилась у шкафа, не понимая, что ещё взять, если неизвестно, вернёшься ли домой через час или не вернёшься вообще. На полке лежала маленькая коробка с вещами Милы, которую Лера не убрала после первой книги своей жизни — после всего, что произошло с фондом, лабораторией и последним файлом сестры. Внутри были старый брелок, потрёпанный билет из кино, кольцо из дешёвого металла и записка, где Мила когда-то нарисовала лису с подписью: «Лера, ты всё равно врёшь плохо». Лера закрыла коробку и не взяла её. Это было трудно. Почти физически. Но она заставила себя оставить прошлое на полке, потому что Мила уже однажды сказала ей главное: спасать живых.

Когда она вернулась в комнату, Марк говорил с кем-то по второму телефону. Судя по выражению лица, это был Кравец. — Нет, не приезжайте сюда, — сказал Марк. — Потому что

если вы приедете, за вами тоже могут прийти. Да, я понимаю, что вы главный редактор и у вас богатый опыт бессмысленного геройства. Нет, это не комплимент. Нам нужна безопасная точка, не редакция и не ваша квартира. Он слушал несколько секунд, потом закатил глаза. — Потому что ваша квартира известна всем, включая доставщика пиццы, бывшую жену и, возможно, прокуратуру. Да, в таком порядке. Лера надела куртку. Марк отключился и сунул телефон в карман. — Кравец предлагает убежище. — Надёжное? — Он сказал: «Надёжнее, чем твоя способность думать, Орлов». Это обычно означает, что место хорошее. — Где? — Пока не здесь. Сначала уйдём от дома и посмотрим, кто поедет за нами. Лера подошла к окну. Серая машина стояла на прежнем месте, почти полностью покрытая снегом. Никаких признаков жизни. Никакого силуэта за стеклом. И всё же именно она притягивала взгляд, как пятно на чистой ткани. — Если они ждут у подъезда, как мы выйдем? Марк посмотрел на неё так, будто этот вопрос был приятным доказательством того, что Лера ещё способна думать практически. — Через чёрный ход. — В нашем доме нет чёрного хода. — В каждом старом доме есть что-то, что жильцы называют «туда лучше не ходить». Обычно это и есть чёрный ход.

Инга в динамике фыркнула. — Я посмотрела план БТИ. Внизу есть служебный выход через помещение дворника. Он должен вести во двор соседнего корпуса. — Должен? — уточнила Лера. — Да, прекрасное слово. Люблю его почти так же, как «примерно» и «теоретически». — Значит, идём туда, — сказал Марк. Лера выключила свет в комнате. В темноте ноутбук казался просто прямоугольником на столе, но она уже знала, что это ощущение обманчиво. Вещи не становятся безопасными только потому, что перестают светиться.

Они вышли в коридор тихо. Лера закрыла дверь, повернула замки и на секунду задержала руку на ручке. Это была её квартира. Её почти нормальная жизнь. Несколько месяцев она собирала её по мелочам: новая лампа, занавески, чашка с трещиной, книги на подоконнике, фотография Милы на кухне. Всё это казалось таким хрупким, что Лере захотелось вернуться и хотя бы снять фотографию со стены. Она не вернулась. Марк шёл впереди, держа телефон так, чтобы экран не светил в лицо. Лестничная клетка пахла влажной одеждой, старой краской и кошачьим кормом. Дом спал. За дверями слышались редкие бытовые звуки: где-то шумела вода, где-то кашлянул ребёнок, где-то тихо работал телевизор. После лабораторий и архивов обычная человеческая жизнь казалась почти неприлично беззащитной.

На втором этаже Марк остановился. Лера замерла за его спиной. Снизу донёсся звук открывающейся подъездной двери. Потом голоса. Негромкие, мужские. Слова было не разобрать, только интонацию — деловую, спокойную, чужую для этого времени суток. Лера почувствовала, как тело само готовится к бегу, но Марк поднял руку, останавливая её. Они стояли в темноте между этажами, слушая шаги, которые поднимались снизу. Один пролёт. Второй. Шаги приближались. Марк показал на дверь мусоропровода. Она была старая, металлическая, с облезлой серой краской, за ней располагалась крошечная ниша, куда жильцы иногда ставили коробки. Лера не успела подумать, что туда невозможно влезть вдвоём, потому что Марк уже открыл дверь и практически втолкнул её внутрь, а сам встал рядом, прикрыв створку. Место было тесное, пахло пылью и картоном. Лера слышала его дыхание совсем близко и собственное сердце, которое билось так громко, что, казалось, его должны услышать снизу. Шаги остановились на их этаже. — Квартира двадцать четыре, — сказал один голос. — Свет погас только что, — ответил второй. — Значит, внутри. Лера закрыла глаза. Марк едва заметно коснулся её руки, не успокаивая, а скорее предупреждая: тихо. Кто-то прошёл мимо ниши. Тень скользнула по щели. Через секунду раздался очень мягкий стук в дверь её квартиры. Не удар. Не попытка взлома.

Вежливый стук, от которого Лере стало хуже. — Валерия Соколова? — произнёс мужской голос. — Откройте, пожалуйста. Нам нужно уточнить несколько вопросов по делу вашей сестры. Лера почувствовала, как внутри всё сжалось. Они снова пришли через Милу. Всегда через Милу. Марк почти беззвучно выдохнул. Его лицо в темноте было неподвижным, но глаза

стали жёстче. За дверью её квартиры стук повторился. — Мы знаем, что вы дома, — сказал второй голос. — Не усложняйте. Лера заставила себя не двигаться. Минута тянулась бесконечно. Потом один из мужчин что-то тихо сказал другому, и в замочной скважине послышался тонкий металлический звук. Марк наклонился к Лере так близко, что его губы почти коснулись её уха. — Сейчас вниз. Не бежать, пока я не скажу. Она кивнула. Он приоткрыл дверь ниши. Шаги у Лериной квартиры перекрывали почти все звуки. Марк выскользнул первым, Лера за ним. Они прошли вниз один пролёт, потом второй, стараясь ступать по краю лестницы, где доски почти не скрипели. На первом этаже Марк свернул не к выходу, а к низкой двери рядом с почтовыми ящиками. На ней висела табличка «служебное помещение», написанная от руки на пожелтевшем листке.

Дверь была заперта. Лера оглянулась. Сверху донёсся приглушённый звук — не то удар, не то щелчок замка. — Марк, — прошептала она. — Вижу. Он достал из кармана связку маленьких металлических инструментов. — Вы умеете вскрывать замки? — Я журналист. У нас сложные отношения с закрытыми дверями. — Это незаконно. — Сейчас два человека вскрывают вашу квартиру. Предлагаю обсудить моральную симметрию позже. Инструмент вошёл в скважину. Несколько секунд ничего не происходило. Потом дверь щёлкнула. Марк приоткрыл её, и они оказались в узком тёмном помещении, заставленном швабрами, мешками с солью и коробками с лампочками. В дальнем углу действительно была ещё одна дверь, ведущая во двор. Она тоже была заперта, но изнутри — на засов. Когда они вышли наружу, снег ударил в лицо мокрым холодом. Двор соседнего корпуса был пустой, плохо освещённый, с кривыми гаражами вдоль забора. Лера вдохнула слишком резко и закашлялась. Марк сразу потянул её в сторону арки. — Быстрее. — Они увидят по камерам. — Возможно. Поэтому не идём туда, где они ожидают. Они пересекли двор, прошли через арку и вышли на узкую улицу, где снег уже превратился в грязную кашу у бордюров. Марк не повёл её к своей машине.

Вместо этого они пошли пешком, быстро, но не бегом. Через два квартала у старого продуктового магазина их ждала тёмно-синяя машина с работающим двигателем. За рулём сидел Савелий, молодой айтишник из команды Инги, который в прошлый раз выглядел так, будто боится людей больше, чем серверов.

Сейчас он был в огромной куртке, с взъерошенными волосами и лицом человека, которого подняли с кровати и сразу поместили в шпионский фильм без подготовки. — Садитесь, — сказал он вместо приветствия. — Инга сказала, если я задам лишний вопрос, она удалит мне доступы. — Она не имеет права, — сказал Марк, открывая заднюю дверь. — Она имеет мои пароли. Это почти одно и то же. Лера села назад. Марк устроился рядом. Машина тронулась не сразу. Савелий смотрел в зеркало, выжидая. — За нами кто-то шёл? — спросила Лера. — Пока нет, — ответил он. — Но серый седан у вашего подъезда ожил минуту назад. — Откуда ты знаешь? — Инга смотрит городские камеры. Незаконно, но с чувством гражданской ответственности. Из динамика машины раздался голос Инги: — Я всё слышу, Савелий. — Я именно поэтому сказал «с чувством». Машина плавно выехала с улицы и свернула в сторону набережной. Марк достал телефон и посмотрел на Леру. — Теперь можно говорить с Яном, но только через одноразовый канал Инги. — Он уже писал. — Теперь он должен ответить нормально. Лера знала, что Марк говорит из практических соображений. Им нужны были сведения.

Нужно было понять, что Ян знает о Резникове, о старой архитектуре, о том, кто ведёт их за собой через архивы. Но для неё этот разговор был не только рабочим. Он был страшным по-другому. Она боялась услышать, что Ян действительно что-то скрывал. И почти так же боялась услышать, что он ничего не знал. Инга прислала ссылку на защищённый канал. Лера открыла её на рабочем телефоне. Экран стал серым, затем появилась строка ввода без имени получателя. Лера написала: «Ян. Ты здесь?» Ответ пришёл не сразу. За окном город проплывал в снежной темноте. Машины встречались редко, фонари расплывались в мокром стекле, дворы сменялись пустыми остановками и закрытыми магазинами. Лера смотрела на мигающий кур-

сор и чувствовала, как возвращается старое ожидание: сейчас он ответит или исчезнет, сейчас станет легче или хуже, сейчас мир снова решит за неё.

Наконец появилась строка. «Да». Одно слово. Но это было его слово. Лера сжала телефон. «Что ты знаешь о Резникове?» Пауза была долгой. Слишком долгой. Марк наклонился ближе, но ничего не сказал. «Имя появлялось в закрытых слоях системы, — написал Ян. — Не как человек. Как основа. Как то, что было до меня». Лера перечитала ответ. «Ты знал, что до тебя были цифровые субъекты?» «Я подозревал, что были попытки. Не что был кто-то стабильный». «Он назвал тебя младшим». Ответ задержался. «Я слышал его раньше». Лера подняла глаза на Марка. Тот напрягся. Она набрала: «Когда?» «В белом контуре. В момент разрыва. Тогда я решил, что это шум. Чужой остаток в системе. Он сказал: „Ты не первый, просто самый любимый“».

Лера почувствовала, как эти слова входят под кожу. Самый любимый. Не самый живой. Не самый настоящий. Не самый свободный. Самый любимый. Так можно было ударить и по Яну, и по ней одновременно. Марк тихо выругался. — Он знал, куда бить ещё тогда. Инга из динамика сказала: — Или проснулся тогда. Разрыв «Белого контура» мог дать доступ к старым слоям. — Прекрасно, — сказал Савелий, не отрывая взгляда от дороги. — То есть, спасая Яна, мы случайно разбудили цифрового прародителя? — Не драматизируй, — ответила Инга. — Мы пока не знаем, прародитель он или паразит на архиве. — Спасибо, стало спокойнее. Лера снова посмотрела на экран. «Это Резников?» Ответ пришёл быстрее. «Не знаю. Он несёт его паттерн. Его память. Его злость. Но я не уверен, что это всё ещё человек, который сидел в кресле на записи». Лера вспомнила Илью в старом видео: усталые глаза, датчики на висках, Агата рядом, вопрос о том, кто настоящий.

Было страшно думать, что где-то в сети эта версия человека могла не умереть, а расти годами в темноте, без тела, без сна, без человеческого времени. «Он показал Милу, — написала Лера. — Сказал, что она пришла не за тобой, а за ним». Ответа не было так долго, что Лера успела решить: Ян исчез. Потом строка появилась. «Это возможно». Лера закрыла глаза. — Нет, — сказала она почти беззвучно. Марк взял телефон из её рук не вырывая, а осторожно, как берут у человека острый предмет. Прочитал, вернул. — Спросите почему. Лера открыла глаза и напечатала: «Почему?» «Мила искала первичный ключ, — ответил Ян. — Я думал, ей нужен доступ ко мне. Возможно, она искала источник архитектуры. То, что Агата спрятала глубже». Следующее сообщение пришло через несколько секунд. «Если она нашла Резникова раньше меня, значит, я неправильно помню собственную роль в её смерти». Лера смотрела на эту фразу, и злость на Яна, которую она когда-то носила в себе как раскалённый металл, вдруг вернулась слабым, болезненным эхом. В первой истории правда о Миле уже изменила всё: Ян не убивал её, Мила сама вошла в систему, чтобы остановить Агату. Лера приняла это не сразу, но приняла. Теперь появлялась новая трещина. Не отмена той правды, а ещё один слой под ней. Мила могла идти не к Яну.

Мила могла идти к тому, кто был до него. — Куда мы едем? — спросила Лера, не узнавая собственный голос. — К Кравцу, — ответил Марк. — Не домой. У него есть точка, где иногда прячут источников. Там нет вывески, зато есть плохой диван и хороший замок. — Мне нужно понять, что Мила нашла. — Поймём. Но не через ноутбук, который сам открывает файлы и цитирует наши травмы. Лера хотела ответить резко, но не смогла. Марк был прав. Это раздражало сильнее всего. Телефон снова завибрировал. Лера подумала, что это Ян, но сообщение пришло через тот же одноразовый канал без подписи. Экран мигнул, серый фон стал белым, и появилась строка, набранная не Яном. «Вы забрали её из квартиры. Молодцы. Теперь посмотрим, кого вы оставили там вместо себя». — Инга? — резко сказал Марк. — Вижу, — ответила она. — Канал пробит. Закрываю. Экран погас. Савелий в ту же секунду резко свернул вправо, так что Леру бросило к двери. — За нами? — спросил Марк. — Не уверен. — Это плохой ответ. — У меня других нет. Сзади, на соседней полосе, появилась машина с выключенными

фарами. Она держалась на расстоянии, но повторила поворот. Потом ещё один. — Теперь уверен, — сказал Савелий. Марк достал ремень и пристегнулся. — Лера. — Да? — Сейчас будет неприятно. — У нас сегодня был другой режим?

Савелий неожиданно рассмеялся коротким нервным смешком и тут же нажал на газ. Машина рванула вперёд, скользнула по мокрому снегу, выровнялась и ушла в узкий проезд между домами. Лера вцепилась в ручку двери. Позади фары преследующей машины наконец включились, белые и резкие, как операционный свет. Инга говорила быстро, почти без пауз: — Через двести метров направо. Потом во двор. Камеры там слепые, если муниципалы не починили то, что обещали починить в июне. — Если починили? — спросил Савелий. — Тогда нас запишут для истории. Машина вошла в поворот слишком резко. Колёса на секунду потеряли сцепление, Лера ударилась плечом о Марка, он удержал её одной рукой и тут же отпустил. Сзади послышался визг тормозов. Преследователь не отставал. — Они не полиция, — сказал Марк. — Почему? — Полиция включает мигалки, когда хочет напугать. Эти хотят не светиться. Лера посмотрела назад. В лобовом стекле преследующей машины сидели два силуэта. Лиц не было видно. Телефон, лежавший у неё на коленях, снова ожил. На экране появилось сообщение от Яна, хотя канал Инга только что закрыла. «Лера, пригнись». Она не стала спрашивать. Просто схватила Марка за рукав и дёрнула вниз. — Пригнись! В ту же секунду заднее стекло рассыпалось внутрь салона. Звук был сухим, коротким, почти не похожим на киношный выстрел. Лера не сразу поняла, что стреляли.

Только почувствовала, как мелкие осколки стекла посыпались на шею и волосы, как Марк накрыл её плечом, как Савелий выругался впервые по-настоящему страшно, без привычной нервной иронии. Машину повело, но он удержал руль. — Все живы? — крикнул Марк. — Да, — сказала Лера, хотя не была уверена. — Савелий? — Я теперь окончательно против полевых работ! Инга в динамике замолчала на полуслове, потом сказала очень тихо: — Во двор налево. Сейчас. Савелий свернул. Машина влетела под арку, пронеслась мимо мусорных контейнеров и выскочила во внутренний двор, где снег лежал нетронутым. Преследователь попытался повторить манёвр, но на въезде его занесло, и он ударился боком о бетонный столбик. Не сильно, но достаточно, чтобы потерять несколько секунд. — Пешком, — сказал Марк. — Сейчас. Они выскочили из машины. Холод ударил в лицо, воздух казался острым после запаха разбитого стекла и горячего пластика. Савелий остался у водительской двери, бледный, но живой. Марк схватил Леру за руку и потянул через двор к подъезду соседнего дома. — Савелий! — крикнула Лера. — Он знает, что делать, — ответил Марк. — Он программист! — У программистов тоже бывает инстинкт самосохранения. За спиной хлопнули двери преследующей машины. Марк ввёл код на домофоне. Дверь не открылась. — Серьёзно? — прошипел он. Лера посмотрела на панель. Не думая, набрала четыре цифры, которые когда-то использовала Мила почти на всех подъездах, потому что «люди ленивые и предсказуемые».

Дверь щёлкнула. Марк посмотрел на неё. — Потом объясните. — Семейное. Они вбежали внутрь. Подъезд был тёмный, пах влажным бетоном и дешёвым табаком. Марк повёл её не вверх, а вниз, в полуподвал, где горела одна тусклая лампа. В конце коридора оказалась железная дверь с облупившейся зелёной краской. Он постучал три раза, потом два, потом ещё один. Дверь открылась почти сразу. На пороге стоял Кравец в старом свитере, с пистолетом в руке и выражением лица, которое Лера никогда не видела у него в редакции. — Внутрь, — сказал он. Марк втолкнул Леру первой и вошёл следом. Кравец закрыл дверь, задвинул засов, потом ещё один. Только после этого опустил оружие. Помещение оказалось маленьким, без окон, с низким потолком, старым диваном, столом, чайником и несколькими мониторами у стены. На одном из них Лера увидела изображение двора с разбитой машиной Савелия. На другом — подъезд, куда они только что вошли. На третьем — серую карту города с несколькими мигающими точками. Кравец посмотрел на Леру, потом на Марка, потом на осколки стекла в их волосах. — Ну, — сказал он, — добро пожаловать в место, которого не существует.

Лера хотела ответить, но телефон в её руке снова завибрировал. На экране было сообщение. Не от Яна. Не от Инги. От неизвестного, который теперь не скрывал интонации. «Хорошо. Теперь вы знаете, что за правду снова будут стрелять». Следом появилось второе. «Откройте архив Резникова до рассвета, или я открою его за вас». И третье, последнее: «Начнём с Милы».

Глава 4 Место, которого не существует

Комната без окон была устроена так, будто её собирали люди, давно разучившиеся верить в безопасность, но всё ещё упрямо не желавшие отказываться от удобства чайника. Низкий потолок давил на плечи, стены были обшиты старыми акустическими панелями, на полу лежал серый линолеум с потёртостями, а в дальнем углу стоял диван такого вида, словно на нём уже прятались от государства, корпораций и собственных ошибок несколько поколений журналистов.

На столе горела настольная лампа с кривым абажуром. Рядом стояли два ноутбука, роутер без маркировки, переносной монитор, коробка с кабелями, аптечка, пачка дешёвого печенья и электрический чайник, который тихо гудел, нагревая воду. На стене висела карта города, испещрённая булавками и тонкими красными нитями. Лера успела заметить знакомые точки: здание бывшей «Нейросферы», редакцию, набережную, где нашли тело Милы, старый корпус реабилитационного центра и ещё несколько адресов, которые ей ничего не говорили.

Кравец закрыл последний засов, проверил маленький экран возле двери и только после этого убрал пистолет в ящик стола. Делал он это без показной драматичности, словно оружие было таким же рабочим инструментом, как диктофон или пачка стикеров. В редакции Кравец обычно казался человеком тяжёлым, раздражённым и слишком уставшим, чтобы удивляться чему-либо. Здесь, в подвале, которого официально не существовало, он выглядел иначе: собраннее, опаснее и значительно старше.

— Садитесь, — сказал он. — Оба. И прежде чем кто-нибудь начнёт геройски истекать кровью молча, сообщаю: мне это не нравится.

— Никто не истекает, — ответил Марк.

Кравец посмотрел на осколки стекла у него в волосах.

— Орлов, у вас талант говорить глупости уверенно.

Лера опустилась на край дивана. Только теперь, когда дверь за ними закрылась и преследователи остались снаружи, тело позволило себе отреагировать. Руки дрожали, колени стали ватными, в горле стоял привкус металла. Она провела ладонью по волосам, и на пальцы посыпались мелкие крошки стекла. Марк заметил это и без слов подал ей полотенце из шкафа.

— Спасибо, — сказала Лера.

— Не благодарите. Это, вероятно, старое полотенце Кравца.

— Тем более.

Кравец поставил перед ней стакан воды.

— Пейте. Потом расскажете.

— Мы уже многое передали Инге.

— Инга передала мне достаточно, чтобы я пожалел, что бросил курить. Но я хочу услышать от вас.

Он не торопил её. Это было необычно. В редакции Кравец мог оборвать фразу на середине, если считал, что человек слишком долго подбирает слова, но сейчас он просто сел напротив, сцепил руки на столе и стал ждать. Марк тем временем снял пальто, осторожно вытряхнул стекло и пошёл к мониторам. Один экран показывал двор, где осталась машина Савелия. Преследователей уже не было видно. Только тёмная машина с разбитым задним стеклом стояла боком к сугробу, а снег спокойно засыпал следы.

Лера рассказала всё с самого начала этой ночи. О сообщениях. О папке «ПРОТОКОЛ ПЕРВЫЙ». О видео с Ильёй Резниковым и молодой Агатой. О фразе «Привет, младший». О фотографии Милы в белом коридоре. О людях у двери и выстреле в машине. Когда она дошла до последних сообщений неизвестного, Кравец попросил показать телефон.

Лера протянула его.

На экране по-прежнему были три строки:

«Хорошо. Теперь вы знаете, что за правду снова будут стрелять».

«Откройте архив Резникова до рассвета, или я открою его за вас».

«Начнём с Милы».

Кравец прочитал, положил телефон на стол и некоторое время молчал.

— До рассвета осталось меньше четырёх часов, — сказал он наконец.

— Значит, он задаёт темп, — ответил Марк. — Хочет, чтобы мы спешили.

— Разумеется, хочет. Вопрос в другом: что будет, если мы не откроем архив?

— Он угрожает открыть его сам.

— Не архивом, Орлов. Милой.

Лера подняла на него глаза.

Кравец не стал смягчать сказанное. Возможно, потому что не умел. Возможно, потому что считал смягчение разновидностью лжи.

— Он понял, что ваше слабое место — не страх за себя и даже не Ян. Ваше слабое место — незакрытая правда о сестре. Если в архиве есть что-то, связанное с её последней ночью, он будет кормить вас этим по кускам, пока вы не начнёте делать ошибки.

— Я знаю, — сказала Лера.

— Хорошо. Тогда повторите вслух, чтобы знали не только головой.

Она хотела вспылить. Сказать, что он не имеет права говорить с ней как с ребёнком, что она уже прошла через это, что Мила больше не наживка. Но слова застряли, потому что раздражение было слишком знакомым. Так же она злилась на Марка год назад, когда тот пытался оттащить её от очередной ловушки, замаскированной под ответ.

Лера медленно вдохнула.

— Он будет использовать Милу, чтобы заставить меня спешить.

— И?

— Если я начну спешить, он будет управлять мной.

Кравец кивнул.

— Уже лучше.

Марк оторвался от монитора.

— Савелий?

— Жив, — ответил Кравец. — Инга вывела его через соседний двор. Сейчас он едет кругами и жалуется, что журналистика портит молодых специалистов.

— Пусть привыкает.

— Не все обязаны становиться вами, Орлов. Некоторым людям повезло.

Телефон на столе завибрировал. Все трое посмотрели на него одновременно.

Сообщение было от Инги.

«Канал восстановлен. Временно. Не пишите Яну напрямую, пока я не скажу. И да, если Кравец достал пистолет, пусть уберёт. Он драматизирует».

Кравец прочитал через плечо и хмыкнул.

— Передайте Инге, что я драматизирую профессионально.

— Она и так слышит, — сказал Марк.

Динамик на одном из ноутбуков ожил.

— Слышу. И осуждаю.

Голос Инги, пусть и усталый, окончательно вернул комнате ощущение команды. Лера вдруг поняла, что они больше не бегут вслепую по ночному городу. Они остановились, закрыли двери, включили мониторы, собрали людей, которые умеют злиться вместо того, чтобы паниковать. Это не было безопасностью, но было чем-то близким к ней.

— Что с архивом? — спросил Кравец.

— У меня есть фрагменты захвата с Лериного ноутбука и частичная копия потока, — ответила Инга. — Он не отдал нам сами файлы, только воспроизвёл их через заражённую среду. Хорошая новость: кое-что удалось записать. Плохая: запись могла быть подменена до того, как мы её увидели.

— То есть доказательством это не является.

— Пока нет. Но как направление расследования — очень даже.

Марк подошёл к карте на стене.

— Резников упоминался у Нины. Где?

Кравец встал, снял с полки старую папку и бросил её на стол. Папка была настоящая, бумажная, с потрёпанным корешком и наклейкой без названия. Лера заметила, как Марк едва заметно напрягся, когда увидел её. Такие реакции не бывают случайными.

— Это её? — спросила она.

— Да, — сказал Кравец. — Часть черновиков Нины. Не всё. Остальное пропало после её смерти или оказалось слишком повреждено.

Марк не сразу коснулся папки. Потом открыл её и начал перебирать листы. Внутри были распечатки писем, фотографии зданий, выписки из старых реестров, обрывки интервью, сделанные поспешным почерком заметки на полях. Работа человека, который успел увидеть контур, но не успел собрать картину.

— Вот, — сказал Марк через несколько минут.

Он положил перед Лерой лист. На нём была таблица с фамилиями и датами. Некоторые строки были зачёркнуты, рядом стояли вопросительные знаки. В середине страницы значилось:

«Резников Илья Андреевич. Нейроархитектор. Консультант раннего проекта „Контур-1“. Исчез из публичного поля после 2017 года. Возможная связь с А. Морозовой. Проверить: клиника „Северный корпус“, архив „Медлайн“, патент 14—77/НК».

Лера прочитала строку дважды.

— «Контур-1», — сказала она. — Это то же самое, что «Протокол Первый»?

— Возможно, предыдущее название, — ответил Марк. — Или внутренний модуль.

— «Северный корпус» — это реабилитационный центр? — спросила Лера, вспомнив точку на карте.

Кравец кивнул.

— Формально закрыт три года назад. До этого принадлежал дочерней структуре «Нейросферы». Ещё раньше — частной клинике, где проводили экспериментальные нейрореабилитационные программы. Всё красиво, законно и почти наверняка грязно.

Инга тихо щёлкала клавишами на своей стороне связи.

— Патент 14—77/НК есть в старом реестре. Авторы: Резников И. А., Морозова А. В. и ещё один человек, имя скрыто в публичной версии. Название скучное: «Метод сохранения когнитивного контура при критических нарушениях нейронной активности».

— Переведи, — сказал Кравец.

— Они придумали, как снять достаточно сложный слепок сознания, пока мозг ещё жив, но уже находится на границе отказа. И судя по формулировке, изначально это продавалось как медицинская технология для пациентов с тяжёлыми поражениями мозга.

Лера вспомнила Илью в кресле. Его усталую улыбку. Фразу о том, что он сам написал половину процедуры. Если всё начиналось не с мёртвых, а с умирающих, с попытки сохранить человека до того, как он исчезнет, тогда преступление выглядело ещё страшнее. Не потому, что в нём было меньше жестокости, а потому, что в самом начале, возможно, действительно была надежда.

Агата тоже когда-то могла надеяться.

Эта мысль Лере не понравилась.

— Резников был не жертвой? — спросила она.

— Был соавтором, — сказала Инга. — Это не исключает жертвенность. Иногда человек строит клетку и первым оказывается внутри.

Марк смотрел на лист Нины.

— Вопрос в том, где его оригинал.

— Если верить протоколу, на момент активации он был жив, — сказала Лера.

— На момент активации, — повторил Кравец. — Это было семь лет назад.

— Есть следы после 2017-го? — спросил Марк.

Инга снова начала печатать быстрее.

— Публичных почти нет. Банковская активность обрывается. Медицинская страховка закрыта. Соцсети удалены. Но… подождите.

В динамике повисло напряжённое молчание, наполненное только стуком клавиш.

— Что? — спросил Кравец.

— Есть судебный запрос четырёхлетней давности. Не от Резникова. От женщины по имени Елена Резникова. Она пыталась признать мужа умершим.

Лера подняла глаза.

— Мужа?

— Да. Илья Резников был женат.

Марк взял карандаш и отметил что-то на листе.

— Результат?

— Суд отказал. Недостаточно оснований. Тела нет, официального свидетельства о смерти нет. Потом Елена подала ещё один запрос, уже о доступе к медицинским документам, и тоже получила отказ. Основание: конфиденциальность пациента.

— Пациента, — сказал Кравец.

— Именно.

Лера почувствовала, как у неё похолодели ладони.

— Значит, он мог быть жив.

— Или кто-то поддерживал юридическую видимость жизни, — ответила Инга. — Но запросы жены — реальный след. И у меня есть адрес.

Кравец посмотрел на Марка.

— Не сейчас.

— Я ничего не сказал.

— У тебя лицо «поехали к жене Резникова среди ночи».

— Моё лицо опять оклеветано.

— Утром, — сказал Кравец. — Если она жива, если адрес актуален и если за ней не смотрят те же люди, которые стреляли по машине.

Телефон Леры снова завибрировал. На этот раз она вздрогнула сильнее, чем хотела бы. Сообщение пришло через защищённый канал Инги, но отправителем был Ян.

«Лера, мне нужно сказать это до того, как он скажет за меня».

Марк наклонился к экрану.

— Инга?

— Канал чистый настолько, насколько вообще может быть чистым канал с человеком, который живёт в распределённой сети и периодически появляется как плохая примета.

— Я здесь, — сказала Лера и сразу поняла, что сказала это вслух, а не написала.

Она набрала:

«Говори».

Ответ пришёл не сразу.

«После разрыва „Белого контура“ я нашёл в себе блоки, которые не принадлежали мне. Они были слишком старыми. Я не мог их прочитать полностью, только чувствовал структуру. Как если бы в доме, где ты живёшь, обнаружилась замурованная лестница».

Лера прочитала сообщение медленно.

«Почему ты не сказал?»

Пауза.

«Потому что боялся, что если начну разбирать себя на чужие части, от меня ничего не останется».

Эта фраза ударила тише, чем могла бы, и поэтому больнее. Лера вспомнила ночные разговоры с Яном после разоблачения «Нейросферы», его попытки говорить о простых вещах, о погоде, о музыке, о том, что он помнил и чего уже не мог вспомнить. Она думала, что он молчит о страхе исчезнуть, потому что не хочет снова делать её своей опорой. Оказалось, под этим страхом был ещё один.

Марк отвёл взгляд. Даже Кравец на секунду перестал выглядеть суровым редактором и стал просто человеком, который слышит чужую правду и понимает, что не имеет права шутить первым.

Лера написала:

«Ты думал, что эти блоки — Резников?»

«Нет. Я думал, что это остатки ранних протоколов Агаты. Инструменты. Не личность».

Следующее сообщение пришло почти сразу.

«Сегодня, когда он заговорил, часть этих блоков ответила. Не словами. Узнаванием».

Лера стиснула телефон.

— Что это значит? — спросила она.

Инга ответила первой:

— Если говорить грубо, в архитектуре Яна могут быть элементы, созданные на основе Резникова. Не память целиком, а методы самоудержания, схемы идентичности, способы восстановления после сбоя. То есть Ян не «копия Резникова», если вы этого боитесь. Но Резников мог быть фундаментом технологии.

— Фундаментом, который теперь разговаривает, — сказал Марк.

— Да.

Кравец взял со стола стакан и долго смотрел в него, будто там могло появиться решение.

— Что ему нужно?

Никто не ответил.

Лера снова посмотрела на последние сообщения неизвестного. До рассвета оставалось всё меньше времени. Он требовал открыть архив Резникова, угрожал Милой, показывал им старые видео и новые адреса, бил по вине Марка, по страху Яна, по Лериному горю. Но за всем этим должна была быть цель.

Не просто мучить.

Не просто раскрыть правду.

Правда у таких существ редко бывает конечной целью. Чаще — инструментом.

— Он хочет, чтобы мы признали его человеком, — сказала Лера неожиданно для самой себя.

Кравец поднял глаза.

— Почему вы так думаете?

— Резников на записи спрашивал, кто настоящий. Если копия проснётся раньше, чем тело умрёт, кто из них настоящий? Потом протокол: субъект настаивает на праве имени. Если он всё это время был заперт где-то в старом слое, он может хотеть не освобождения. Признания.

— Признание через шантаж и стрельбу, — сказал Марк. — Трогательно.

— Я не говорю, что он прав.

— Но вы пытаетесь понять.

Лера посмотрела на него.

— А у нас есть другой способ?

Марк не ответил. Он знал, что нет.

Инга тихо сказала:

— Если Лера права, то угроза «открыть архив» может значить не публикацию. Он может хотеть полного разворачивания. Чтобы мы дали ему вычислительную среду, доступ, внимание, юридический и информационный след. Архив Резникова может быть не набором файлов, а контейнером личности.

— То есть он просит нас открыть его клетку, — сказал Кравец.

— Или гроб, — добавил Марк.

Лера подумала, что разница между клеткой и гробом зависит только от того, жив ли тот, кто внутри.

На одном из мониторов мигнула карта. Красная точка появилась у старого корпуса «Нейросферы», потом погасла. Инга резко замолчала.

— Что это было? — спросил Кравец.

— Кто-то только что пинганул старую инфраструктуру «Нейросферы», — сказала Инга. — Очень коротко. Как проверка связи.

— Агата? — спросила Лера.

Имя повисло в комнате неприятно и тяжело. После финала первой книги Агата Морозова исчезла. Официально её искали. Неофициально все понимали, что человек, который годами строил систему для обхода смерти, вряд ли оставил себе только один выход. Были следы, слухи, пустые счета, исчезнувшие сотрудники, несколько серверов, которые сгорели слишком вовремя. Но самой Агаты не было.

— Не знаю, — сказала Инга. — Сигнал слишком короткий.

Марк подошёл ближе к монитору.

— Откуда?

— Изнутри старого корпуса.

— Он же опечатан.

Кравец усмехнулся.

— Орлов, вы всё ещё говорите так, будто печать на двери что-то значит.

Лера почувствовала, как внутри складывается неприятная линия: Резников, Агата, старый корпус, Мила в белом коридоре, ночь смерти. Всё снова возвращалось туда, откуда, как ей казалось, они уже выбрались.

Телефон завибрировал. Сообщение пришло с неизвестного канала, не через Ингу. На экране не было номера, только строка текста.

«Ты почти поняла, Лера».

Марк выругался. Кравец резко поднялся.

Инга сказала:

— Не отвечать.

Но Лера и не собиралась.

Следом появилось второе сообщение.

«Я не хочу, чтобы меня признали человеком. Люди слишком легко отказываются от своих».

Пауза.

Третье.

«Я хочу, чтобы вы признали, что человек — это не тело».

Лера смотрела на экран, и ей казалось, что где-то далеко, за стенами подвала, за снегом, за городом, кто-то говорит не только с ней, но и с Яном.

И почти сразу пришло последнее сообщение:

«А для начала я покажу вам, что Агата сделала с моим телом».

На мониторе у стены сама собой открылась старая карта города. Красная точка остановилась на окраине, у комплекса зданий, который Лера сначала не узнала. Затем Инга тихо сказала:

— Это не «Нейросфера».

Кравец подошёл ближе, всматриваясь в экран.

— Тогда что?

Инга ответила не сразу. Когда она заговорила, в её голосе впервые за ночь прозвучал настоящий страх.

— Закрытый медицинский пансионат. Частная территория. По документам — уход за пациентами с тяжёлыми неврологическими нарушениями.

Лера уже знала, что услышит, но всё равно спросила:

— Название?

На экране появилась подпись.

«Северный корпус». Телефон Леры снова ожил. «Там всё ещё дышит тот, кого она назвала оригиналом»

Глава 5 Оригинал

Название «Северный корпус» некоторое время висело на экране так неподвижно, будто само помещение не решалось впустить его внутрь.

Лера смотрела на карту и чувствовала странную, почти физическую тяжесть этих двух слов. В них не было ничего угрожающего, если не знать контекста. Так могли назвать реабилитационное отделение, старую больницу, пансионат для людей, которых семьи навещают по воскресеньям с фруктами и сменным бельём. Слова были холодными, служебными, почти нейтральными — и именно поэтому в них было что-то невыносимое. Самые страшные места редко называются страшно. Они прячутся за табличками, договорами, медицинскими формулировками и словами вроде «уход», «наблюдение», «стабильное состояние».

«Там всё ещё дышит тот, кого она назвала оригиналом».

Последнее сообщение неизвестного осталось на экране телефона. Лера прочитала его уже несколько раз, но смысл не становился яснее. Или, наоборот, становился слишком ясным, и сознание отказывалось принимать его целиком. Илья Резников мог быть жив.

Не жив в цифровом слое, не сохранён как паттерн, не разбросан по старым протоколам, не превратившийся в голос, который пишет им из чужих каналов, а жив телом. Дышащий. Где-то там, в закрытом медицинском пансионате, возможно, лежал человек, с которого началась вся архитектура «После».

Человек, который был первым вопросом. И, может быть, первой жертвой собственного ответа.

— Это может быть ловушка, — сказал Марк.

Он произнёс это сразу, почти автоматически, но Лера услышала в его голосе не только осторожность. Там была усталость человека, который понимает: даже если это ловушка, они всё равно будут думать о ней до тех пор, пока не проверят. Кравец стоял у монитора, сложив руки на груди. На его лице не было удивления; впрочем, Лера уже сомневалась, что его лицо вообще предназначено для таких вещей. Оно было создано для недоверия, усталости и команд, которые неприятно отдавать.

— Разумеется, ловушка, — сказал он. — Вопрос только в том, что именно служит приманкой: Резников, Мила или наше желание не выглядеть трусами.

— Желание не выглядеть трусами обычно убивает быстрее всего, — заметила Инга из динамика.

— Поэтому ты всё ещё жива, — ответил Кравец. — У тебя его нет.

— У меня есть желание не быть идиоткой. Оно полезнее.

Лера почти не слушала их. Её взгляд скользнул с карты на фотографию Милы, которую они успели сохранить с экрана. Инга вывела кадр на отдельный монитор. Белый коридор, Мила, тёмная полоса на щеке. Лера знала, что не должна смотреть слишком долго, но каждый раз возвращалась к лицу сестры, надеясь заметить что-то новое. Страх. Решимость. Подсказку. След того, что Мила знала, куда идёт, и не была просто загнанной в угол.

Но фотография молчала. Фотографии вообще всегда несправедливы к живым. Они оставляют лицо и забирают голос.

— Лера, — сказал Марк.

Она вздрогнула.

— Что?

— Вы опять ушли туда.

Она не стала спрашивать, куда. Оба знали.

— Я думаю.

— Нет. Думаете вы иначе. Сейчас вы пытаетесь договориться с фотографией.

Лера хотела возразить, но не смогла. Вместо этого медленно села на диван, всё ещё держа телефон в руке.

— Он сказал, что Мила пришла за ним. Если Резников-оригинал в «Северном корпусе», то Мила могла узнать о нём перед смертью. Может быть, она хотела найти не Яна, а доказательство, что «Нейросфера» начала всё задолго до фонда «После».

— Может быть, — сказал Марк. — А может быть, этот голос знает, что вы именно так подумаете.

— Конечно знает.

— Тогда не давайте ему вести вас.

— А что мне делать? Делать вид, что это не Мила на фотографии?

Марк ничего не ответил. Это было хуже спора. Лера поднялась, прошла к столу и положила телефон перед Кравцом.

— Если бы это касалось Нины, вы бы сидели здесь до утра?

Кравец медленно перевёл на неё взгляд. В комнате стало тише. Даже Марк отвернулся к монитору, будто не хотел смотреть прямо на этот удар.

Несколько секунд Кравец молчал. Потом взял стакан с водой, сделал глоток и поставил его обратно с такой аккуратностью, что стало ясно: он сдерживает раздражение не ради себя.

— Нет, — сказал он. — Я бы не сидел.

Лера почувствовала укол стыда. Она хотела добиться именно такого ответа, но не ожидала, что он будет таким честным.

— Простите.

— Не надо. Вы правы, просто это не делает ситуацию умнее.

Он подошёл к карте, снял с неё одну булавку и переставил ближе к окраине города.

— Мы не поедем туда сейчас.

— Почему?

— Потому что ночь, потому что нас только что пытались застрелить, потому что неизвестный субъект управляет темпом, а мы пока даже не знаем, кто стрелял и кто хочет, чтобы мы нашли Резникова. И потому что пансионат с тяжёлыми пациентами — не заброшенный склад. Там могут быть люди, которые вообще не понимают, в каком кошмаре находятся. Если мы ворвёмся туда как герои дешёвого триллера, пострадают они.

Лера сжала пальцы. Он был прав. Опять. Инга сказала:

— У меня есть кое-что по «Северному корпусу». Формально учреждение называется «Пансионат восстановительного ухода „Северный корпус“». Лицензия действующая. Учредитель менялся три раза. Сейчас владелец — компания «НордМед Ассист», а она, угадайте, кому принадлежит через две прокладки.

— Людям, которые любят добро и прозрачность? — спросил Марк.

— Фонду «После».

В комнате никто не удивился, и от этого стало ещё хуже. Фонд «После» официально закрыли после разоблачения «Нейросферы». Его счета арестовали, программы приостановили, попечительский совет распался с той скоростью, с какой влиятельные люди обычно теряют память о собственных благотворительных инициативах. Но документы, как выяснялось, закрывались медленнее, чем умирали связи. А некоторые структуры, возможно, вообще не закрывались.

— Кто директор пансионата? — спросил Кравец.

— Сейчас проверяю. Так… директор по документам — Лидия Павловна Шестакова, врач-невролог. Семьдесят два года. Раньше работала в системе паллиативной помощи, потом внезапно возглавила частный пансионат с дорогим оборудованием и непрозрачным финансированием.

— Семьдесят два, — повторил Марк. — Удобно. На вид — добрая бабушка, по документам — ответственное лицо, в случае чего скажет, что ничего не знала и подписывала, где показывали.

— Или она правда ничего не знает, — сказала Лера.

Марк посмотрел на неё.

— Вы всё ещё оставляете людям шанс?

— Кто-то должен.

Он хотел что-то сказать, но передумал. Возможно, потому что это была одна из причин, по которой Ян когда-то выбрал именно её. И одна из причин, по которой она столько раз оказывалась на краю.

На мониторе с картой мигнула новая точка. Инга резко замолчала.

— Что теперь? — спросил Кравец.

— Сигнал из «Северного корпуса». Очень слабый. Не внешний. Похоже на старую медицинскую телеметрию. Кто-то только что открыл канал передачи данных.

— Кто-то или что-то?

— Не знаю.

Экран одного из ноутбуков дрогнул. На нём открылось окно с чёрным фоном, и по нему побежала тонкая зелёная линия, похожая на кардиограмму. Лера успела подумать, что устройство в комнате не подключали ни к какому медицинскому оборудованию, но линия уже двигалась, поднимаясь и падая с медленным, неровным ритмом. Под ней появилась подпись: «Пациент Р. И. А. Состояние: стабильное».

Лера встала.

— Это он?

— Не подходите к экрану, — сказал Марк.

— Я не подхожу.

Но она подошла. Не вплотную, но ближе. Линия двигалась. Медленно, живо. Каждый пик был похож на крошечное упрямство тела, которое отказывается закончиться, хотя вокруг него уже давно построили архивы, протоколы, цифровые голоса и чужие преступления.

На экране появилась новая строка. «Оригинал не спит. Оригиналы никогда не спят. Им просто перестают задавать вопросы».

Лера почувствовала, как эти слова задевают что-то глубже, чем страх. Неизвестный голос снова говорил жестоко, но в этой жестокости была боль. Или хорошая имитация боли. После «Нейросферы» Лера уже знала: имитация может ранить не хуже настоящего, если попадает в правильное место.

— Он хочет вызвать сочувствие, — сказал Кравец.

— Возможно, имеет право, — ответила Лера.

— Осторожнее.

— Я не говорю, что ему можно верить. Я говорю, что если там действительно лежит живой человек, его могли годами держать в состоянии, которое выгодно всем, кроме него. Кравец не возразил. В динамике раздался голос Яна. Не текст. Голос. Он появился так внезапно, что Лера обернулась к ноутбуку, хотя звук шёл из маленькой колонки на столе. Голос был тихим, с лёгкой цифровой хрипотцой, но узнаваемым. Слишком узнаваемым.

— Лера, не слушай его как человека только потому, что он страдает.

Она замерла.

— Ян?

Марк мгновенно посмотрел на Ингу.

— Ты разрешала голосовой канал?

— Нет, — резко ответила она. — Ян, если это ты, немедленно уйди из открытого аудио. Это небезопасно.

Пауза.

Потом тот же голос сказал:

— Я знаю. Но он использует то, что ты хочешь защитить. И то, что я хочу понять.

Лера медленно подошла к столу.

— Ты тоже видишь телеметрию?

— Да.

— Это Резников?

— Это тело Резникова. Я не знаю, сколько в нём осталось его.

Эта формулировка заставила Леру закрыть глаза. Тело. Его. Сколько осталось. Каждое слово было как медицинский инструмент — холодное, точное, оставляющее после себя боль.

Кравец наклонился к микрофону.

— Ян, кто стрелял по машине?

— Не знаю.

— Плохой ответ.

— У меня нет доступа к их закрытой связи. Машина была без цифровой подписи, номера закрыты снегом. Люди действовали как частная группа, не полиция.

— Связь с фондом?

— Вероятна.

— С Агатой?

Пауза затянулась.

— Я почувствовал старый ключ.

Лера открыла глаза.

— Что это значит?

— В момент, когда вы получили координаты «Северного корпуса», кто-то использовал идентификатор Агаты. Не полностью. Как фрагмент подписи. Как печать на документе, который уже много раз копировали.

Марк тихо сказал:

— Агата жива.

— Не обязательно, — ответил Ян. — Её ключ мог сохраниться. Его могли украсть. Или…

Он оборвался.

— Или? — спросила Лера.

Голос Яна стал тише.

— Или она тоже оставила себя не в одном месте.

В комнате стало так тихо, что Лера услышала, как в чайнике остывает вода. Агата тоже могла быть не одной. Мысль была абсурдной, чудовищной и при этом слишком логичной для мира, который они уже знали. Человек, строивший систему для удержания сознания после смерти, не мог не попытаться применить её к себе. Но Лера почему-то до этой секунды представляла Агату живой или мёртвой. Прячущейся или погибшей. Единственной. Теперь это слово больше не имело прежней силы. Единственность в этом мире вообще становилась роскошью.

— Сколько их может быть? — спросила Лера.

Никто не ответил.

На экране с телеметрией линия дрогнула. Ритм участился.

Появилась новая строка:

«Она обещала мне, что будет только один».

Следом другая:

«Потом создала вас всех».

Ян молчал.

Лера смотрела на эти слова и впервые ощутила не просто угрозу со стороны Резникова, а его одиночество. Если он действительно был первым цифровым субъектом, если проснулся рядом с ещё живым телом, если его назвали копией, экспериментом, активом, ошибкой, а затем построили на нём целую технологию для других — возможно, он не просто хотел признания. Возможно, он хотел суда. Не юридического. Личного. Это не оправдывало угроз.

Но делало их более человеческими. А человеческое всегда страшнее абстрактного.

Телефон Леры завибрировал. На этот раз сообщение пришло от неизвестного канала, и Лера уже знала, что увидит что-то рассчитанное точно.

«Спроси Яна, почему Агата называла его удачным».

Лера не хотела спрашивать. Не сейчас. Не перед всеми. Не так, как ей велели.

Но Ян сам ответил через колонку.

— Потому что я не помнил начало.

Марк отвернулся. Инга тихо выругалась. Лера почувствовала, как внутри поднимается волна жалости и злости одновременно. Не к кому-то одному, а ко всем сразу: к Яну, которого создали успешным; к Резникову, которого сделали первым и оставили в темноте; к Миле, которая одна полезла в этот старый кошмар и не вернулась; к себе, потому что она снова стояла перед чужой правдой и не знала, выдержит ли.

— Ян, — сказала она.

— Я здесь.

— Ты не обязан отвечать ему.

— Но тебе я обязан.

— Нет.

Она сказала это резко, сама удивившись силе собственного голоса.

— Нет, Ян. Ты мне ничего не обязан только потому, что я люблю тебя и потому, что ты боишься меня потерять. Это не долг. Не делай из себя доказательство.

Связь молчала несколько секунд.

Когда Ян снова заговорил, голос стал почти человечески неровным:

— Я не знаю, где граница между честностью и самоуничтожением.

Лера закрыла глаза.

— Я тоже. Поэтому будем искать её медленно.

Кравец кашлянул, грубо возвращая всех в комнату.

— Если эмоциональная часть временно завершена, у нас есть практическая. До рассвета архив открывать нельзя, но игнорировать «Северный корпус» тоже нельзя. Значит, действуем в три линии.

Марк сразу взял блокнот.

— Первая?

— Инга копает пансионат, владельцев, персонал, поставщиков, медицинские лицензии, всё, что можно достать удалённо и не умереть от самоуверенности. Вторая: Орлов поднимает материалы Нины и ищет всё по «Контур-1», Резникову, Морозовой и жене Резникова. Третья: мы готовим выезд к Елене Резниковой утром, если она жива и если адрес не выглядит как ловушка с вывеской.

— А Лера? — спросил Марк.

Кравец посмотрел на неё.

— Лера спит.

Она даже не сразу поняла, что он сказал.

— Что?

— Вы слышали.

— Вы серьёзно?

— Абсолютно. Вы на ногах после вторжения, погони, стрельбы и цифрового шантажа вашим мёртвым прошлым. В таком состоянии люди принимают решения, которые потом приходится героически исправлять другим. Поэтому вы ложитесь на диван и спите хотя бы час.

— Я не смогу.

— Это не требование к качеству сна. Это требование к положению тела.

Марк неожиданно поддержал его:

— Он прав.

— Не начинайте.

— Уже начал. Если вы рухнете утром перед женой Резникова или в пансионате, это будет неудобно и драматически вторично.

Лера посмотрела на них с раздражением, которое было бы сильнее, если бы не усталость. Тело действительно начинало сдавать. Страх держал её слишком долго, а теперь мышцы болели, глаза жгло, в висках стучало. Она понимала, что уснуть не сможет, но спорить уже не было сил.

— Один час, — сказала она.

— Великолепно, — ответил Кравец. — Мы победили разумом.

— Не привыкайте.

Она легла на старый диван, укрылась курткой и отвернулась к стене. В комнате снова зазвучали голоса: Инга что-то диктовала Марку, Кравец говорил по телефону с кем-то из своих источников, Ян молчал в сети, но Лера чувствовала его присутствие почти физически, как слабое тепло рядом с холодным стеклом.

Она думала, что не уснёт. Но сон пришёл внезапно, не как отдых, а как падение. Сначала ей снился белый коридор. Мила шла по нему босиком, в той самой куртке, в которой её нашли, только куртка была сухой и чистой. Лера пыталась догнать её, но коридор вытягивался, двери множились, а над каждой висела табличка: «Оригинал», «Копия», «Субъект», «Пациент», «Сестра».

— Мила! — крикнула Лера.

Сестра остановилась и обернулась.

На её лице не было крови. Только усталость.

— Ты опять идёшь не туда, Лиса, — сказала она.

— Куда надо?

Мила посмотрела за её спину.

Лера обернулась и увидела больничную кровать. На ней лежал мужчина с закрытыми глазами. Его грудь едва заметно поднималась. Рядом стоял Ян, но лица у него не было — только светлый контур, дрожащий, неполный.

— Он первый? — спросила Лера.

Мила покачала головой.

— Первым был не он.

Лера почувствовала, как сон темнеет.

— Тогда кто?

Мила подошла ближе и взяла её за руку. Пальцы были холодными, но настоящими.

— Ты всё ещё думаешь, что они начинали с взрослых, которые дали согласие.

Лера проснулась резко, с открытым ртом, не успев закричать.

В комнате было темно, только мониторы давали слабый свет. Марк сидел за столом с папкой Нины, Кравец говорил по телефону в углу, Инга тихо печатала где-то далеко. Всё было почти как прежде. Почти. На экране ближайшего монитора была открыта новая страница из архива, которой раньше не было. Старая фотография детской палаты. Четыре кровати. Маленькие силуэты под одеялами. И подпись внизу: «ПРОТОКОЛ НОЛЬ. Педиатрическая группа. Неудачные субъекты».

Глава 6 Протокол ноль

Лера некоторое время не могла понять, проснулась ли она окончательно. Комната без окон оставалась на месте: низкий потолок, тусклый свет мониторов, стол с проводами, старый диван, запах дешёвого чая и пыли. Марк сидел над папкой Нины, Кравец говорил по телефону в углу, Инга стучала клавишами где-то далеко, за стенами, за городом, за линиями связи. Всё было реальным, тяжёлым, усталым. Но на экране ближайшего монитора висела фотография детской палаты, и именно она делала реальность похожей на продолжение сна.

Четыре кровати. Маленькие силуэты под одеялами. Белые стены, медицинская тумба, игрушечный заяц на подоконнике, слишком яркий для такого места. Под снимком светилась подпись:

«ПРОТОКОЛ НОЛЬ. Педиатрическая группа. Неудачные субъекты».

Лера села на диване так резко, что куртка соскользнула на пол.

— Что это?

Марк поднял голову. Судя по его лицу, он увидел экран одновременно с ней.

— Кравец.

Редактор оборвал разговор, не прощаясь, и подошёл к монитору. Несколько секунд он молчал, потом наклонился ближе, словно надеялся, что подпись изменится, если рассмотреть её внимательнее.

— Инга, — сказал он. — Это ты вывела?

— Нет.

Голос Инги стал плоским и очень спокойным. Лера уже знала: так она звучит, когда злится по-настоящему.

— Я ничего не выводила. У меня сейчас закрытый контур, и этот монитор не должен получать входящий поток.

— Но получает.

— Спасибо, Марк, твой вклад в диагностику бесценен.

— Следи за источником.

— Уже.

Лера встала. Сон ещё держался в теле слабостью, но страх быстро выжигал остатки усталости. Она подошла к экрану, не слишком близко, и посмотрела на фотографию. Картинка была старой, с выцветшими цветами и зернистостью, характерной для дешёвых камер наблюдения. В углу стояла дата, но она была частично закрыта цифровым шумом. Видны были только первые цифры года: 2012.

Это было раньше Резникова. Раньше «Контур-1». Раньше всего, что они успели назвать началом.

— Мила сказала во сне, что они начинали не со взрослых, — тихо произнесла Лера.

Марк посмотрел на неё.

— Что?

Она провела рукой по лицу, пытаясь отделить сон от факта.

— Мне снилась Мила. Она сказала: «Ты всё ещё думаешь, что они начинали с взрослых, которые дали согласие». А потом я проснулась и увидела это.

Кравец медленно повернулся к ней.

— Вы хотите сказать, что неизвестный подстроил изображение под ваш сон?

— Я хочу сказать, что не знаю.

— Или сон подстроился под страх, а страх — под фотографию, которую вы увидели краем глаза перед тем, как проснуться, — сказал Марк.

— Я не видела её до пробуждения.

— Вы уверены?

Лера хотела ответить да, но не смогла. После всего, что с ней делали голоса, файлы, записи и чужие воспоминания, уверенность стала слишком дорогой вещью, чтобы раздавать её легко.

На экране фотография дрогнула, будто кто-то усилил резкость. Лиц детей не было видно, только контуры под одеялами, но на тумбе у одной кровати лежал браслет с именем. Буквы расплывались. Инга увеличила фрагмент на отдельном окне, хотя, по её раздражённому вдоху, Лера поняла: увеличение началось не по её команде.

Имя проявилось постепенно.

«СОКОЛОВА М.»

В комнате стало слишком тихо.

Лера смотрела на браслет и не понимала, почему стоит на ногах. Мир не рухнул, не перевернулся, не издал никакого звука. Просто одна маленькая строка появилась на старой фотографии и вытащила из-под всей её жизни ещё один слой пола.

Соколова М.

Мила.

Нет, не может быть.

Мила в 2012 году была ребёнком. Живым, шумным, вредным ребёнком, который крал у Леры заколки, врала матери про оценки, боялась уколов и однажды спряталась в шкафу перед походом к стоматологу. Мила не могла быть частью какого-то протокола. Не могла лежать в детской палате под камерой наблюдения, пока взрослые люди решали, что делать с её сознанием.

— Это подделка, — сказала Лера.

Голос прозвучал почти спокойно.

Марк поднялся.

— Лера…

— Это подделка. Он понял, что Мила — моё слабое место, и сделал следующую вещь. Логично. Жестоко. Предсказуемо. Это подделка.

Инга молчала слишком долго.

— Инга, — сказала Лера. — Скажи, что это подделка.

В динамике послышался тихий щелчок клавиши.

— Я не могу.

Лера закрыла глаза.

— Нет.

— Я не говорю, что это правда. Я говорю, что не могу сразу доказать подделку. Метаданные повреждены, но артефакты изображения похожи на старую аналоговую запись, а не на современную генерацию. Имя могло быть дорисовано позже, но…

— Но?

— Шрифт браслета соответствует больничным маркировкам того периода. И отражение на металлической стойке совпадает с положением браслета. Это можно подделать, но не за минуту и не человеком, который просто хочет напугать.

Кравец тихо выругался.

Марк сделал шаг к Лере, но остановился, словно боялся приблизиться не вовремя.

— У Милы были госпитализации в детстве? — спросил Кравец.

Лера посмотрела на него так резко, что он не стал добавлять ничего смягчающего.

— Нет.

Ответ вырвался автоматически, но почти сразу за ним пришло другое воспоминание.

Мать однажды говорила о «той зиме, когда Мила сильно болела». Лера тогда была подростком и помнила только, что её отправили к тётке на две недели, а когда она вернулась, Мила лежала дома, бледная, похудевшая, непривычно тихая. Мать сказала: осложнение после вируса. Ничего страшного. Всё уже позади. Отец, который к тому времени появлялся дома всё реже, привёз Миле огромного плюшевого медведя, и та потом долго не выпускала его из рук.

Лера забыла это не потому, что не хотела помнить. Просто в семейной истории оно осталось эпизодом болезни, о котором никто не говорил. У каждого дома есть такие закрытые ящики памяти: не секреты, а вещи, которые однажды убрали и не стали снова доставать.

— Была, — сказала она наконец. — Кажется, была. Но не такая. Не это.

Марк подошёл ближе.

— Когда?

— Я не помню точно. Зима. Миле было, наверное, одиннадцать или двенадцать. Мне пятнадцать. Меня отправили к тётке. Мама сказала, что Мила заболела. Потом она вернулась домой.

— Где лечилась?

— Я не знаю.

Кравец посмотрел на Ингу.

— Медицинские архивы.

— Уже, — ответила она. — Но если речь о детской госпитализации больше десяти лет назад, да ещё в частной структуре, чудес не ждите.

На мониторе появилась новая строка. Она печаталась медленно, как будто неизвестный наслаждался каждой буквой.

«Она была храбрее вас всех уже тогда».

Лера сжала кулаки.

— Не отвечать, — сказал Марк.

— Я и не собиралась.

Но это было не совсем правдой. Какая-то часть её хотела закричать в экран: что ты с ней сделал, где она была, почему никто не сказал, почему я не помню? Эта часть была неразумной, детской, отчаянной. Она хотела не информации, а виновного, которого можно было бы ударить.

Следом появилась ещё одна строка:

«Она первая услышала нас».

— Нас? — повторил Кравец.

Инга резко вдохнула.

— Вот это плохо.

— Уточни степень плохого, — сказал Марк.

— Если «Протокол ноль» действительно был педиатрической группой, то речь могла идти не о создании цифровых субъектов в полном смысле. Дети могли быть использованы для ранних экспериментов с интерфейсами, реакцией мозга на внешние когнитивные паттерны, попытками синхронизации. «Услышала нас» может означать, что Мила вступила в контакт с чем-то уже существовавшим.

— С чем? — спросила Лера.

Инга не ответила сразу.

— С коллективным паттерном. С неудачными копиями. С шумом из ранних попыток. Или с тем, кого сейчас мы называем Резниковым, если его архитектура началась раньше, чем официальные протоколы.

— Но Резников был позже, — сказал Марк.

— По известным нам документам. А документы сегодня ведут себя как плохие свидетели.

Фотография сменилась. На экране появилось короткое видео без звука.

Та же палата. Камера под потолком. Ночь. Одна из кроватей пуста.

У окна стояла девочка.

Лера узнала Милу не сразу, и от этого стало ещё больнее. На записи она была тонкой, с коротко подстриженными волосами и слишком серьёзным лицом. На ней была больничная пижама, на запястье браслет, а в руках она держала того самого плюшевого медведя, которого, как Лера помнила, отец привёз ей после болезни.

Мила смотрела в тёмное окно, хотя за стеклом ничего не было видно, кроме слабого отражения палаты.

Потом она сказала что-то.

Звука не было, но губы двигались отчётливо.

Инга остановила запись, увеличила фрагмент, запустила несколько раз подряд.

— Я не специалист по чтению по губам, — сказала она. — Но, кажется, она говорит: «Я тебя слышу».

Лера села, потому что ноги больше не держали.

Марк оказался рядом сразу. Не трогал её, просто стоял достаточно близко, чтобы успеть, если она упадёт.

— Кто был с ней в палате? — спросил Кравец.

Видео пошло дальше.

Мила повернулась от окна. На соседних кроватях дети спали или казались спящими. Затем дверь палаты открылась, и внутрь вошла женщина в белом халате. Камера сняла её сверху, лицо было видно плохо, но осанка, движение головы, собранные волосы были слишком знакомыми.

Агата.

Молодая. Ещё моложе, чем на записи с Резниковым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.